

Говард Филлипс Лавкрафт

Храм

(The Temple)

(Рукопись, найденная на побережье Юкатана)

Двадцатого августа 1917 года я, Карл-Хайнрих, граф фон Альтберг-Эренштейн, командор-лейтенант имперского военного флота, передаю эту бутылку и записи Атлантическому океану в месте, неизвестном мне: вероятно, это 20 градусов северной широты и 35 градусов восточной долготы, где мой корабль беспомощно лежит на океанском дне. Поступаю так в силу моего желания предать гласности некоторые необычные факты: нет вероятности, что я выживу и смогу рассказать об этом сам, потому что окружающие обстоятельства настолько же необычайны, насколько угрожающи, и включают в себя не только безнадежное повреждение U-29, но и совершенно разрушительное ослабление моей немецкой железной воли.

В полдень, восемнадцатого июня, как было доложено по радио U-61, идущей в Киль, мы торпедировали британский транспорт "Виктори", шедший из Нью-Йорка в Ливерпуль; координаты с.ш. $45^{\circ}16'$, з.д. $28^{\circ}34'$; команда было разрешено покинуть корабль, который тонул очень эффектно: сначала корма, нос высоко поднялся из воды, пока корпус погружался перпендикулярно дну. Наша камера ничего не пропустила, и я сожалею, что эти прекрасные кадры никогда не попадут в Берлин. После этого мы потопили шлюпки из наших орудий и погрузились.

Когда мы перед закатом поднялись на поверхность, на палубе оказалось тело матроса: его руки странным образом вцепились в поручни.

Бедняга был молод, довольно смугл и очень красив: наверно, итальянец или грек - без сомнения, из команды "Виктори". Очевидно, он искал спасения на том самом судне, что вынуждено было разрушить его собственное, - еще одна жертва грязной войны, связанный этими английскими свиньями против фатерланда. Наши люди обыскали его на предмет сувениров и нашли в кармане куртки очень старый кусок слоновой кости, из которого была вырезана голова юноши в лавровом венке. Мой напарник, лейтенант Кленце, решил, что вещь эта очень древняя и большой художественной ценности, поэтому забрал ее себе. Как она могла достаться простому матросу - ни он, ни я вообразить не пытались.

Когда тело отправляли за борт, произошло два инцидента, серьезно взбудораживших команду. Глаза мертвца были закрыты; однако, когда его волокли к перилам, они распахнулись, и многим показалось, что они пережили странную галлюцинацию - пристально и насмешливо эти глаза посмотрели на Шмидта и Циммера, наклонившихся над телом. Боцман Мюллер, пожилой человек, мог бы быть и поумней, не будь он эльзасским свинопасом, полным предрассудков; его так потряс этот взгляд, что он следил за телом и в воде и клялся, что когда оно погрузилось, то расправило члены на манер пловца и поплыло под волнами на юг. Кленце и мне не понравились эти проявления крестьянского невежества, и мы сурово отчитали команду, особенно Мюллера.

Следующий день нас очень встревожил - заболели некоторые члены команды. Они явно страдали нервным перенапряжением, вызванным длительностью плаванья, и мучились дурными снами. Некоторые выглядели совершенно отупевшими и подавленными: удостоверившись, что они не симулируют, я освободил их от вахты. Море было бурно, поэтому мы погрузились: на глубине волнение не так беспокоило. Здесь и люди стали сравнительно спокойней, несмотря на какое-то странное южное течение, которого не было на наших океанографических картах. Стоны больных были решительно несносны: но пока они не деморализовывали команду, мы не принимали крайних мер. Наш план был оставаться там до пересечения с курсом лайнера "Дакия", упомянутом в донесении агентов в Нью-Йорке.

Рано вечером мы всплыли - море было спокойно. На севере виднелись дымы эскадры, но расстояние и наша способность погружаться хранили нас. Меня куда больше беспокоила болтовня боцмана Мюллера, который к утру стал еще более буйным. Он впал в отвратительное ребячество, нес чушь о мертвцах, плавающих за иллюминаторами и глядящих на негр в упор, и что он узнал в них тех, кто погиб, пал жертвой наших славных германских побед. А еще он сказал, что юноша, которого он нашел и вышвырнул за борт, был их вождем. Это было очень мрачно и нездоро: поэтому Мюллеру надели кандалы и выдали хорошую порку. Наказание команде не понравилось, но дисциплина нужна. Мы также отклонили просьбу делегации, возглавляемой матросом Циммером, чтобы изваяние слоновой кости было выброшено за борт.

Двадцатого июня матросы Бем и Шмидт, заболевшие накануне, впали в буйство. Сожалею, что в состав офицеров не входят врачи, ведь немецкие жизни драгоценны: но нескончаемый бред этих двоих и их ужасные проклятия настолько подрывали дисциплину, что пришлось принять крутые меры. Команда восприняла это мрачно, зато, похоже, успокоилась. Мюллер больше не доставлял нам хлопот. Вечером его освободили и он молча вернулся к своим обязанностям.

В течение недели мы все издергались, поджиная "Дакию". Напряжение усугублялось исчезновением Мюллера и Циммера, без сомнения, покончивших с собой из-за преследовавших их страхов, хотя никто не видел, как они бросались за борт. Я был даже рад избавиться от Мюллера: само его молчание неблагоприятно влияло на команду. Все теперь старались молчать, словно сдерживая тайный страх. Многие заболели, но никто не доставлял хлопот. Лейтенант Кленце от бессилия и напряжения выходил из себя по малейшему поводу: например, из-за дельфинов, все чаще собирающихся вокруг У-29, из-за крепнущего южного течения, не отмеченного на наших картах.

Наконец стало ясно, что "Дакию" мы пропустили. Такие неудачи случаются, и мы скорее обрадовались, чем огорчились, ведь теперь мы могли вернуться в Вильгельмсхавен. Днем двадцать восьмого июня мы повернули на север и, несмотря на комичные затруднения из-за необычайных масс дельфинов, скоро легли на курс.

Взрыв в машинном отделении произошел в два часа дня и был полной неожиданностью. Никаких дефектов машин или небрежности персонала отмечено не было, и все же корабль тряхнуло до последней заклепки жутким ударом.

Лейтенант Кленце помчался в машинное и обнаружил, что топливные цистерны и почти весь двигатель разворочены, а инженеры Шнайдер и Раабе убиты на месте. Наше положение внезапно стало безвыходным: хотя химические регенераторы воздуха были целы и мы могли всплыть и погружаться, пока действовали насосы и аккумуляторы, но двигаться лодка не могла. Искать спасения в шлюпках означало отдать себя в руки врагов, бессмысленно ожесточенных против великой германской нации, а радио молчало с тех пор, как перед атакой на "Виктори" мы связывались с подлодкой нашего флота.

С момента аварии до второго июля мы постепенно дрейфовали на юг - без карт, не встречая судов. Дельфины кружат вокруг У-29; примечательное обстоятельство, если учесть покрытое нами расстояние. Утром второго июля мы засекли военное судно под американским флагом, и люди настойчиво требовали нашей сдачи. Наконец лейтенанту Кленце пришлось застрелить матроса Траута, особенно рьяно подбивавшего остальных на этот антигерманский акт. На время это усмирило команду, и мы погрузились незамеченными.

На следующий день с юга налетели плотные стаи птиц, океан разбушевался. Задраив люки, мы ждали затащия, пока не поняли, что надо либо нырнуть, либо дать себя разбить волнам. Давление воздуха и напряжение падали, и нам хотелось избежать ненужной траты наших скучных запасов; однако выбора не было. Мы спустились неглубоко, и когда через несколько часов море успокоилось, мы решили снова всплыть. Однако здесь возникла новая неприятность: лодка отказалась всплыть, несмотря на все усилия механиков. Людей испугало это подводное заточение, и кто-то снова забормотал о костяной фигурке лейтенанта Кленце, но вид автоматического пистолета их успокоил. Мы все время старались занять чем-то этих бедолаг, ковырялись в машине, хотя знали, что это бессмысленно.

Кленце и я обычно спали в разное время; когда спал я, около пяти часов вечера, четвертого июня начался общий бунт. Шестеро оставшихся свиней, зовущих себя моряками, считая, что застали нас врасплох, с дикой яростью мстили нам за наш отказ сдаться янки два дня назад. Рыча, как звери - они ими и были, - они крушили инструменты и мебель, вопя чушь и проклятия костянику амулету и смуглому мертвецу, что сглазил их и уплыл. Лейтенант Кленце был словно парализован и бездействовал. Впрочем, чего еще следовало ожидать от этих мягких женоподобных выходцев с Рейна? Я застрелил всех шестерых - так было нужно.

Мы выбросили всех через торпедный аппарат и остались в лодке одни. Лейтенант Кленце нервничал и беспробудно пил. Было решено, что мы постараемся прожить как можно дольше, пользуясь большим запасом продовольствия и регенераторами воздуха, ни один из которых не пострадал во время бунта. Наши компасы, глубиномеры и другие тонкие инструменты были разбиты; отныне мы могли полагаться только на догадки, часы и календари, а также отсчитывать дрейф по предметам, видимым из рубки и иллюминаторов. К счастью, у нас еще были запасные батареи на долгий срок для внутреннего освещения и для прожекторов. Мы часто включали круговое освещение, но видели только дельфинов, плывущих параллельно нашему курсу. К этим дельфинам я испытывал научный интерес - ведь обычный *Delphinus delphis* есть китообразное млекопитающее, неспособное выжить

без воздуха; я же видел одного из них плывущим около двух часов, не поднимаясь.

По прошествии времени Кленце и я решили, что мы по-прежнему плывем на юг, погружаясь все глубже и глубже. Мы наблюдали океанскую флору и фауну, читали книги, взятые мною для редких свободных минут. Однако я не мог не отметить пониженный интеллектуальный уровень моего партнера. У него не прусский склад мышления: он подвержен бесполезной игре ума и воображения. Факт нашей грядущей смерти любопытно подействовал на него: он часто в раскаянии молится за всех мужчин, женщин и детей, которых отправил на дно, забывая, что благородно все, что служит делу германской нации. Со временем он стал заметно несдержаннее, часами глядел на костяную фигурку и плел фантастические истории о забытом и потерянном в море. Иногда, ради научного любопытства, я наводил его на тему и выслушивал бесконечные поэтические цитаты и рассказы о затонувших судах. Мне было жаль его: не хотелось видеть, как страдает немец, но он не был человеком, с которым легко умирать. Собой я гордился, зная, что фатерланд почтит мою память и что мои сыновья вырастут похожими на меня.

Девятого августа показалось океанское дно, и мы послали туда мощный луч прожектора. Это оказалось просторная волнистая равнина, покрытая преимущественно водорослями и усеянная раковинами моллюсков. Там и здесь виднелись колышущиеся предметы неопределенных очертаний, окутанные водорослями и заросшие ракушками, про которые Кленце сказал, что это древние суда, лежащие в своих могилах. Он был поражен одной вещью: обелиском твердого материала, выступающим над дном фута на четыре, фута два толщиной, гладким, с ровными сторонами и ровной плоской вершиной; все углы - тоже прямые. Я счел это выступом скалы, но Кленце уверял, что видел на нем резьбу. Немного погодя он стал дрожать и отвернулся от иллюминатора, будто напуганный: объяснить почему, он не мог, говорил, что поражен огромностью, мрачностью, удаленностью, древностью и загадочностью океанской бездны. Его рассудок был утомлен; но я всегда немец и успел заметить две вещи: что У-29 превосходно выдерживает давление и что необычайные дельфины по-прежнему были с нами, хотя существование высших организмов на таких глубинах отрицается большинством натуралистов. Может быть, я преувеличил глубину, и все же она была достаточной, чтобы признать явление феноменальным. Скорость дрейфа к югу держалась вычисленных мною параметров.

Двенадцатого августа в 3:15 бедный Кленце окончательно обезумел. Он был в рубке, светил прожектором, когда я вдруг увидел его направляющимся в библиотечный отсек, и лицо сразу выдало его. Я повторю здесь сказанное им, подчеркнув то, что он выделял голосом: "ОН зовет! Я слышу ЕГО! Надо идти!" Выкрикивая, он схватил со стола изваяние, спрятал его и схватил меня за руку, чтобы выволочь из каюты на палубу. Я мгновенно сообразил, что он готовится открыть люки и выбраться за борт вместе со мной - вспышка самоубийственной мании, к которой я не был готов. Когда я вырвался и попытался его успокоить, он стал еще яростнее, говоря: "Идем сейчас, не надо ждать, лучше покаяться и быть прощенными, чем презреть и быть проклятыми!" Тогда я сказал, что он безумец. Но он был непреклонен и кричал: "Если я безумен, это милость! Да сжалятся боги над человеком, который в заскорузости своей останется нормальным до жуткого конца! Идем, и будь безумен, пока ОН зовет в милости!"

Вспышка словно бы уменьшила давление на его мозг: накричавшись, он стал мягче, прося меня разрешить ему уйти одному, если я не иду с ним. Я принял решение. Он был немцем, но всего лишь рейнландцем и плебеем, а теперь он был еще и потенциально опасен. Пойдя навстречу его самоубийственной просьбе, я мог тут же освободить себя от того, кто был уже не товарищем, а угрозой. Я попросил его оставить мне фигурку, но это вызвало у него приступ такого жуткого смеха, что я не повторил ее. Затем я спросил его, не хочет ли оставить хотя бы прядь волос на память своей семье в Германии, на случай, если я спасусь, но он снова расхохотался. Итак, он вскарабкался по трапу, я подошел к рычагам и через положенные интервалы совершил то, что обрекало его на смерть. Когда я увидел, что его больше нет в лодке, то включил прожектор в попытке увидеть Кленце последний раз; мне хотелось убедиться, расплющило его давлением или тело осталось неповрежденным, как тела этих необычайных дельфинов. Однако успеха я не добился, ибо дельфины плотно сбились вокруг рубки.

Вечером я пожалел, что не вынул незаметно фигурку из кармана бедного Кленце, потому что меня очаровывало даже воспоминание о ней. Я не мог забыть о юношеской прекрасной голове в венке из листьев, хотя натура у меня совсем не артистическая. Мне было также грустно, что не с кем поговорить. Кленце, хотя и не ровня мне по уму, был все же лучше, чем ничего. В эту ночь я плохо спал и думал, когда же придет конец. Шансов спастись у меня совсем мало.

На следующий день я поднялся в рубку и начал обычное исследование с помощью прожектора. С севера вид был тот же, что и все четыре дня, но я ощущал, что дрейф У-29 стал медленнее. Когда я направил луч на юг, то заметил, что океанское дно впереди заметно понизилось. В некоторых местах проглядывали очень правильные каменные блоки, как будто уложенные искусственно. Лодка не сразу погрузилась на большую глубину, и мне пришлось приспособливаться, чтобы прожектор мог светить вертикально вниз. От резкого перегиба провода разъединились, потребовался ремонт; наконец свет появился вновь, наполняя морские глубины подо мной.

Я не подвластен эмоциям, но то, что открылось мне в электрическом свете, вызвало громадное изумление. Хотя, воспитанный в лучших традициях прусской Kultur, я не должен был удивляться, ибо геология и традиция одинаково говорят нам о великих перемещениях океанских и континентальных зон. То, что я видел, было обширным и сложным массивом разрушенных зданий величественной, хотя и неизвестной архитектуры в разных степенях сохранности. Большинство было, видимо, из мрамора, сиявшего белизной в луче прожектора; общий план говорил об огромном городе на дне узкой долины, с бесчисленными уединенными храмами и виллами на пологих склонах. Крыши обрушились, колонны подломились, но дух незапамятно древнего величия, который ничто не могло уничтожить, был еще жив.

Встретившись наконец с Атлантидой, которую до тех пор считал скорее мифом, я стал ее ревностным исследователем. По дну долины когда-то бежала река; изучая пейзажи тщательнее, я разглядел остатки мраморных и каменных мостов и набережных, террас и причалов, некогда зеленых и прекрасных. В своем энтузиазме я дошел почти до той же глупости и сентиментальности, что и бедный Кленце, и поздно заметил, что южное течение наконец утихло, давая У-29 медленно опускаться вниз,

на затонувший город, как садятся на землю аэропланы. Я так же запоздало понял, что стая необычных дельфинов исчезла.

Часа через два лодка уже покоилась на площади возле скалистой стены долины. С одной стороны мне был виден весь город, спускающийся от площади вниз к старой набережной реки, с другой в поражающей близости противостоял богато украшенный, и, видимо, совершенно целый фасад гигантского здания, очевидно, храма, вырубленного в целом утесе. Об истинном состоянии этой титанической постройки я мог только догадываться. Фасад невероятных размеров явно прикрывал далеко тянувшуюся выемку: в нем много окон разного назначения.

В центре зияла громадная открытая дверь, куда вела поражающая воображение каменная лестница; дверь окаймлена тончайшей резьбой - кажется, вакхические сюжеты. Вершина всего - громадные колонны и фризы, украшенные скульптурами невыразимой красоты: изображены, видимо, идеализированные пасторальные сцены и шествия жрецов и жриц, несущих странные ритуальные предметы, поклоняясь сияющему богу. Искусство феноменального совершенства, преимущественно эллинистическое по виду, но странно самостоятельное. Оно разрушает впечатление жуткой древности, как будто оно современнее, чем непосредственное потомство греческого искусства. Каждая деталь этого массивного произведения ощущалась как часть склона долины, хотя я не мог вообразить, как вырублено громадное внутреннее пространство. Возможно, это каверна или серия пещер, послуживших центром. Ни время, ни затопление не повредили величавой святости жуткой храмины - ибо это мог быть только храм - и сегодня, спустя тысячи лет он стоит, нетронутый, неоскверненный, в бесконечной ночи и молчании океанской пучины.

Не могу подсчитать, сколько часов я провел, глядя на затонувший город - его дома, арки, статуи, мосты и колоссальный храм. Хотя я знал, что смерть рядом, любопытство пожирало меня, и я посыпал прожекторный луч в нескончаемый поиск. Столб света позволял мне изучить множество деталей, но отказывался высветить что-либо за зияющей дверью скального храма; через некоторое время я выключал ток, сознавая необходимость беречь энергию. Луч был теперь ощутимо слабее, чем в первые недели дрейфа. Как будто обостренное грядущим расставанием с жизнью, росло мое желание узнать океанские секреты. Я, сын Германии, буду первым, кто ступит на эти тысячелетиями забытые пути.

Я достал и осмотрел металлический костюм для глубоководных погружений; поэкспериментировал с переносной лампой и регенератором воздуха. Хотя мне будет трудно одному справиться с двойным люком, я верил, что преодолею все препятствия и с моими навыками ученого пройду по мертвому городу.

Шестнадцатого августа я осуществил выход из У-2 и проложил путь сквозь разрушенные и заплытые грязью улицы к древней реке. Я не нашел скелетов или других человеческих останков, но обнаружил множество археологического материала, от скульптур до монет. Об этом невозможно рассказать: выражу только свою скорбь о культуре, бывшей в расцвете славы в те времена, когда по Европе

бродили пещерные люди, а Нил тек в океан, никем не созерцаемый. Другие, ведомые этими заметками, - если их когда-нибудь найдут - должны развернуть перед человечеством тайны, на которые я могу только намекать. Я вернулся в лодку, когда батареи стали садиться, решив на следующий день исследовать пещерный храм.

Семнадцатого августа величайшее из разочарований постигло меня: я обнаружил, что материалы, необходимые для перезарядки фонаря, погибли в июньском бунте. Моя ярость была беспредельной, но немецкий здравый смысл запрещал мне рисковать, неподготовленным ступая в непроглядную тьму, где могло оказаться логово неописуемого морского чудовища или лабиринт, из чьих извивов я никогда не выберусь. Все, что я мог - включить слабеющий прожектор У-29 и с его помощью взойти по ступеням и изучить наружную резьбу. Столб света упирался в проход снизу вверх, и я старался разглядеть что-нибудь, но бесполезно. Не было видно даже крыши: и хотя я сделал шаг или два вовнутрь, проверив сначала пол, дальше идти не посмел. Более того, впервые в жизни я испытывал ужас. Я начал понимать, откуда возникали некоторые настроения бедного Кленце, потому что хотя храм все больше притягивал меня, я испытывал перед его глубинами слепой ужас. Возвращаясь в субмарину, я выключал свет и думал в темноте. Электричество надо было беречь для срочных случаев.

Субботу, восемнадцатого, я провел в полной тьме, терзаемый мыслями и воспоминаниями, грозившими побороть мою немецкую волю. Кленце обезумел и погиб прежде, чем достиг этих губительных останков невообразимо далекого прошлого, и звал меня с собой. Что, если судьба в самом деле сохранила мне рассудок только для того, чтобы непреодолимо увлекать меня к концу, более жуткому и немыслимому, чем в состоянии придумать человек? Поистине, мои нервы были болезненно напряжены, и я должен отбросить эти впечатления: они для слабых.

Всю субботнюю ночь я не спал и включал свет, не думая о будущем. Раздражало, что электричество иссякнет раньше воздуха и провизии. Я вернулся к мысли о легкой смерти без мучений и осмотрел свой автоматический пистолет. Под утро я, должно быть, уснул со включенным светом, так что проснулся во тьме, чтобы обнаружить, что батареи мертвы. Я зажег одну за другой несколько спичек и отчаянно сожалел о непредусмотрительности, с которой были сожжены несколько имевшихся у нас свечей.

После того, как погасла последняя зажженная спичка, я очень спокойно остался сидеть в темноте. Пока я размышлял о неизбежном конце, мой разум пробежал все прежние события, и вывел нечто странное, что заставило бы содрогнуться человека послабее и посуевернее.

ГОЛОВА СВЕТЛОГО БОГА НА СКУЛЬПТУРАХ СКАЛЫ-ХРАМА ТА ЖЕ, ЧТО И НА КУСОЧКЕ РЕЗНОЙ КОСТИ, КОТОРУЮ МЕРТВЫЙ МОРЯК ПРИНЕС ИЗ МОРЯ И КОТОРУЮ БЕДНЫЙ КЛЕНЦЕ УНЕС ОБРАТНО В МОРЕ.

Я был слегка ошарашен этим совпадением, но не ужаснулся. Только слабый ум торопится объяснить уникальное и сложное примитивным замыканием на

сверхъестественном. Совпадение было странным, но я был слишком здрав в суждениях, чтобы связывать несвязуемое или неким диким образом ассоциировать ужасные события, приведшие от случая с "Виктори" к моему теперешнему ужасному состоянию. Чувствуя потребность в отдыхе, я принял успокоительное и поспал еще. Состояние моих нервов отразилось и в снах: я слышал крики тонущих, видел мертвые лица, прижатые к иллюминаторам. Среди мертвых лиц было и живое - насмешливое лицо юноши с костяной статуэткой.

Описывать мое пробуждение следует с осторожностью, потому что мои нервы совершенно расстроены и галлюцинации перемешиваются с фактами. Физиологически мой случай очень интересен, и очень жаль, что его не могли пронаблюдать компетентные немецкие специалисты. Открыв глаза, первым делом я ощутил всепоглощающее желание посетить храм-скалу; желание росло с каждым мгновением, но я почти автоматически переборол его чувством страха, которое срабатывало как тормоз. А следом на меня снизошло ощущение света среди тьмы. Я словно бы увидел фосфоресцирующее сияние в воде, пробивавшееся сквозь иллюминаторы, обращенные к храму. Это возбудило мое любопытство, ибо я не знал глубоководных организмов, способных испускать такое свечение. Но прежде чем я разобрался, пришло лишенное ощущение, своей иррациональностью заставившее меня усомниться в объективности всего, что регистрировали чувства. Это была слуховая галлюцинация: ритмичный, мелодичный звук какого-то дикого, но прекрасного хорального гимна, идущего словно извне, сквозь абсолютно звуконепроницаемую оболочку У-2. Убежденный в своей психической аномальности, я зажег несколько спичек и налил себе большую дозу бромистого натрия, казалось, успокоившего меня до уровня отключения иллюзии звука. Но свечение осталось; было трудно подавить желание пойти к иллюминатору и доискаться его источников. Свечение было настолько реальным, что скоро я мог видеть с его помощью знакомые предметы вокруг, я видел даже склянку из-под брома, а ведь я не знал, где она лежит. Последнее заинтересовало меня - я перешел каюту и дотронулся до склянки. Она была именно там. Теперь я знал, что свет или реален, или он часть галлюцинации настолько стойкой, что я не могу надеяться подавить ее; поэтому, отказавшись от сопротивления, я поднялся в рубку взглянуть, что же именно светит. Может быть, это другая подлодка, несущая спасение?..

Хорошо, что читатель не принимает ничего этого на веру, ибо когда события преступают естественные законы, они неизбежно становятся субъективными и нереальными созданиями моего перенапряженного рассудка. Поднявшись в рубку, я нашел, что море светится куда меньше, чем я ожидал. То, что я увидел, не было гротескным или ужасающим, однако видение убрало последние опоры доверия моему сознанию. Вход и окна подводного храма, высеченного в скале, ясно горели мерцающим светом, будто от могучего светильника внутри.

Дальнейшие события хаотичны. Пока я смотрел на жуткое свечение, я стал жертвой необычайной иллюзии - настолько экстравагантной, что я не смогу даже рассказать о ней. Мне грезилось, что я различаю в храме предметы, предметы неподвижные и движущиеся; казалось, опять зазвучал призрачный хорал, явившийся мне, когда я проснулся первый раз. И надо всем росли думы и страхи,

центром которых были юноша из моря и костяная фигурка, облик которой повторялся на фризах и колоннах храма передо мной. Я подумал о бедном Кленце - где-то покоится его тело с идолом, которого он унес обратно в море? Он предупреждал меня о чем-то, а я не внял - но ведь он был мягкохарактерный рейнландец, обезумевший от событий, которые пруссак переносит с легкостью.

Дальше все очень просто. Мое стремление выйти наружу и войти в храм стало уже необъяснимым и повелительным зовом, который решительно нельзя отвергнуть. Моя собственная немецкая воля больше не контролирует моих действий, и с этого времени усилие воли возможно только во второстепенных случаях. То же безумие, что погнало Кленце к его смерти, незащищенного, с непокрытой головой прямо в океан; но я пруссак и трезвомыслящий человек и до конца использую все то немногое, что еще не кончилось. Когда я впервые понял, что должен идти, я подготовил свой водолазный костюм, шлем и регенератор воздуха для срочного погружения; закончил эту поспешную хронику событий в надежде, что она когда-нибудь достигнет мира. Я запечатаю манускрипт в бутылку и доверю ее морю, когда насовсем оставлю У-29.

Во мне нет страха, даже после пророчества безумного Кленце. То, что я видел, не может быть правдой: я знаю, что это мое собственное сумасшествие и по большей части оно объясняется кислородным голоданием. Свет в храме - чистейшая иллюзия, и я умру спокойно, как истинный немец, в черных и забытых глубинах. Этот дьявольский смех, который я слышу, дописывая, звучит только в моем слабеющем мозгу. Поэтому я тщательно надеваю свой костюм и отважно шагаю вверх по ступеням в древний храм, в эту молчащую тайну неизмеримых вод и несочтенных лет.

Перевод: А Мороз, Г. Ком

1992 год